

Родился в 1978 году в Баку, Республика Азербайджан. С 1994 года живет в Ангарске (Иркутская область). Работал корреспондентом, ответственным секретарем, заместителем редактора в различных СМИ города. По образованию слесарь-ремонтник 3-го разряда.

Прозаик, драматург, художник. Произведения публиковались в многочисленных сборниках. Автор книг прозы: «Победить море», «Игры в распятие», «Завтрашние чудеса».

Лауреат городской конференции «Молодость. Творчество. Современность» в номинации «Литература» (проза, драматургия, 2003). Обладатель национальной премии России «Золотое перо Руси» (2005), Всероссийской премии им. В. П. Астафьева в номинации «Проза» (2005–2006). Обладатель специального приза жюри Международного драматургического конкурса «Премьера-2010». Лауреат конкурса Игнатия Рождественского в номинации «Малая проза» (2016), Шукшинской литературной премии губернатора Алтайского края (2019).

Книга «Завтрашние чудеса» – победитель краевого конкурса «Издано на Алтае» (2020) в номинации «Лучшая книга художественной прозы». На Конференции Союза писателей России, входившей в программу Всероссийского совещания молодых писателей в Химках (2021), по результатам читательского голосования признан лучшим молодым писателем России. Многократный участник форума молодых писателей в Липках, Химках, стипендиат Министерства культуры РФ. Создатель и бессменный координатор литературного проекта «Дебют плюс» (Ангарск Иркутской обл.). Руководитель молодежной студии ангарского литературного объединения «АЛО – Пишите правильно!».

Член Союза писателей России, Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра.

Иду искать!

Знакомым с правилами игры.

И. К.

«Туки-туки за папу!»

– Раз!

Все вокруг исчезло.

– Два!

Секунда, а уже кажется, что ничего не было. Память чертит образы. Вот стена, в которую уткнулся лбом, на ней нацарапано: «Обама – лох». Справа – забор, увитый плющом, огород бабы Кати. По левую руку – угол дома, где живет Павлик, который наверняка сейчас улепетывает за гаражи, откуда его прогонит прячущийся там вечно Димка Ягода.

– Три!

Темнота живая. Дышит. Течет. Меняется... Рождает другие цвета. Из черного появляется красный, появляется си-

ний... Небо без солнца бесцветно. Серое и безжизненное, даже птицы боятся летать.

– Четыре!

Белая вспышка. Это я приоткрываю веки, вспышка становится светом, расплзается побеленной стеной со знакомыми буквами: «о», «б», «а»...

– Пять!

Прислушиваюсь. Больше не слышно шлепанья сланцев, смешков, улюлюканья... Танька-толстушка не пищит, чтобы не подглядывал, хотя всем известно, что дальше чем за дом она не убежит. Все прячутся.

– Шесть!

Вовка Фунтик не играет: у него заноза в пятке. Сидит рядом, спиной к стене, пыхтит и стонет, выковыривая колючку из ноги.

– Слабаки. Никто, кроме тебя и меня, не может хорошо прятаться, – шепчет.

Не отвечаю, выкрикиваю громко:

– Семь!

Папка отлично может спрятаться, знаю это на все сто миллионов процентов и могу поклясться всем чем угодно.

– Батя у меня знаешь как прячется, так, что век не найдешь, – говорю. – У него это наследственное. Семейное у нас, от деда. Дед мой же следаком был...

– Знаю я про твоего деда всё, – кряхтит Фунтик. – И с дядей Колей тоже в прятки играл, забыл ты, что ли, совсем?

– Восемь!

Это правда, ага, отец такой, с нами играл частенько. В казаков и в лапту, в футбол гонял на поле, про прятки вообще молчу... Не слушал, что там ему другие взрослые говорили: мол, «тыкать позволяешь шпане» или «не строй из себя клоуна». Во дворе он был своим. Это сейчас он не с нами, потому что болеет. Второй месяц как что-то сломалось в нем.

– Перетянул пружину, видать, – говорит и гладит меня по спине. – Ты крылья свои береги и не верь, если будут говорить, что их у тебя нет. Крылья есть у всех.

– Девять!

Снова закрываю глаза. И, словно Супермен, вижу, где кто спрятался. Будто в рентгеновских очках смотрю сквозь стены и деревья. За огородом бабы Кати бочка с дождевой водой, за ней на корточках, озираясь, Федька Склянка. У него страсть коллекционировать стекляшки всяких форм и цветов, весь гараж в них. Недалеко от бочки, в овраге, где в прошлом году по лету нашли черепаху с разбитым панцирем, Настя притаилась и не вздохнет. Мне нравится Настя, она похожа на стрекозу: тоненькая, с большими глазами...

– Десять! – орет за меня и мне в ухо Фунтик.

– Десять!

А еще папку уважаем за то, что он спас Пальму от живодеров. Старая карга Петровна вызвала собачников, а отец был с ночи и словно почувствовал наш страх за дворовую псину, ни слова не сказал, выпустил блохастую в дом.

И вся наша ребячья банда ждет, когда он поправится, чтобы снова по вечерам на заднем дворе слушать его истории про инопланетян.

– У меня мать тоже здорово прячется, – пыхтит Вовка себе под нос. – Отец говорит, так спряталась с хахалем каким-то с работы, что он до сих пор найти не может. А найдет – убьет, говорит, обоих и глазом не моргнет.

Про Фунтикову мать рассказывают, что она бросила их, живет за границей и уже по-русски даже не разговаривает.

– Одиннадцать!

– Ты хоть название знаешь? – Это он про болезнь отца спрашивает.

Какая разница, думаю, как называется то, что не дает отцу подняться с кровати. И крылья не помогают. Ослабли крылья. Исчезли...

Темнота опять накрывает и уносит воронкой в черную дыру. Папа рассказывал, что черные дыры не только в космосе – и на земле их немало, и в море. Вон Бермудский треугольник один чего стоит...

– Двенадцать!

Соседка, помню, с мамой на скамейке у дома проговори-лась, а я рядом, тут как тут. Сказала:

– Радиация, это всё от нее. Все опухоли и болячки.

Мама тогда вздохнула:

– Так все этой дрянью дышим. Под комбинатом живем и детей растим.

– Лёнькина мама тоже, как дядя Коля, облысела, парик надевает. – Голос у Фунтика печальный. – Может, мы все так со временем, если не сбежим?..

– Тринадцать!

Наше место там, где родился. Где похоронены твои предки. Марс с Луной не для нас. Приходили к такому выводу с отцом, лежа на крыше под звездами. Большая Медведица согнулась над нами ковшом, и жаркий ветер будто разговаривает в проводах – гудит, соглашается.

– Получается, звезды не для нас? – задыхаюсь от волнения.

– В гости на недельку разве что слетать, – смеется папа. – На Сатурн, по кольцам его прошвырнуться на великах, а, как тебе?..

Звезды становятся после этих слов ближе. Протяни руку и схвати. И я хватаю их горстями с неба, и отец – следом. Мы смеемся и прячем звезды под мокрые от ночной влаги футболки.

– Четырнадцать!

Вовка радуется, прыгает козликком, хлопает меня по спине, празднует освобождение от злосчастной занозы.

– Малюсенькая, подлюга, а чуть весь день не заперола! – философствует. – Как мало для счастья надо, да же?

Угукаю в ответ.

– Павлик никак спрятаться не может, – комментирует Фунтик. – Места себе не находит.

– Пятнадцать!

– Павлуха! Ты козе в трещинку залезь, – во все горло хочет друг и пихает меня локтем. – Представь, Чиж!

Коза в поселке была одна, в огороде у деда Саввы, а еще козой звали парикмахершу Лизу Свиридову.

– Шестнадцать!

Утром у отца шла кровь. Мама выносила незаметно от меня тазики с водой красно-бурого цвета, как лепестки поздних роз. Я больше не люблю розы, слишком много этого цвета теперь в доме.

– Семнадцать!

Навзрыд плакать. Я знаю, как это. Только не расскажу об этом никому никогда. Даже лучшему другу Вовке. И стрекозе Насте, когда мы поженимся и у нас появятся дети, не расскажу. Если только папе... Если только...

– Восемнадцать!

За закрытыми глазами показалось солнце. Небо вмиг стало ярче анютиных глазок, птицы обрели крылья, вернулись в небо. Запело все вокруг, зашумело. Ожило.

– Девятнадцать!

Сквозь щелочки приоткрытых век – та же стена, те же буквы, серость и никакого солнца. Без изменений. Фунтик шелестит оберткой шоколадной конфеты:

– Будешь половину? Или, хочешь, всю отдам, мешается просто в кармане.

– Подобрал, – отшучиваюсь, – сам ешь.

– Двадцать!

Время в детстве может затормаживаться и может скакать галопом быстрее стрелок кухонных часов.

– Все зависит от тебя, – разъяснял отец. – С возрастом время перестает подчиняться. Ты сам становишься его

пленником. Поэтому, пока ты не повзрослел, надо успевать пользоваться временем. Крутить им и вертеть: вперед, назад... Скакать из настоящего в прошлое и снова в будущее.

– Двадцать один!

– Двадцать два!

– Двадцать три!

– Двадцать четыре!

– Двадцать пять!

– Двадцать шесть!

– Двадцать семь!

– Оу! Оу! Оу! – кричит не своим, огрубевшим голосом Вова. – Ты чего разогнался так?! У меня борода уже растет.

Одним глазом смотрю на друга. Фунтик, выше ростом, с рыжей бородкой и серьезным взглядом, косится на меня:

– С отцом что-то, да? – кладет руку на плечо и тихо спрашивает, почти шепотом.

– Двадцать восемь!

«Скорую» перестали вызывать месяц назад. Врачи настаивали на госпитализации, отец просил оставить его в покое.

Мама говорила, стены дома лечат лучше лекарств. Она всегда соглашалась с мужем. И, замачивая после футбола наши зеленые от травы джинсы, лишь хихикала:

– Когда ты мне первый подарок на день рождения подарил, уже тогда можно было догадаться, во что это выльется...

Папа подарил маме через неделю после знакомства самодельную, склеенную из картона и пенопласта Луну.

– Вот, достал, как ты просила, – протянул он будущей жене желтый, пахнущий свежей акварелью спутник Земли.

– Двадцать девять!

Вовка просто так не отстанет, и в этом его сила. Мы дружим с яслей. И он всегда добивается всего, чего хочет. Если бы не схожесть с мультяшным поросенком, его смело можно было прозвать Банным листом. И я говорю ему, а за закрытыми глазами вспыхивают новые миры:

– Тридцать!

Сегодня утром, после тазиков с красной водой, проскользнул в спальню. Отец сразу догадался о моем присутствии, не открывая глаз, сказал:

– Последний из могикан, ты снова душился моим одеколоном...

– Черт, так и знал, что почувешь! – Встал на колени возле головы отца. – Мы в прятки собрались всем двором играть.

– Чур, я с вами.

– Тридцать один!

Еще прошлым летом водящий в прятках считал до ста. Этим летом общим советом решили: считаем до пятидесяти. И важно – с этого лета стучать за кого-то нельзя.

– Папа сказал, что сыграет в прятки вместе с нами, – рассказал я. – А я пообещал, что, когда буду водить, обязательно найду его!

– Тридцать два!

Вовка громко чихнул, я вздрогнул.

– Правда, значит, – шмыгнул носом друг и снова чихнул.

– Тридцать три!

Мама попросила пойти погулять.

– Придут люди... Не хочу, чтобы ты все это видел. Подрастешь когда... Ну, ты понимаешь... Так надо...

– Папа дал слово, что сыграет с нами в прятки.

Мама отвернулась. Я отвернулся. Видеть слезы друг друга... Видеть, как мама плачет, есть ли еще что-то хуже? Страшнее? Больней? Невыносимей?..

Мама держалась. Голос не дрогнул.

– Если отец сказал, значит, так и будет.

– Тридцать четыре!

Будто я уже это где-то видел. Уже со мной происходило. Может быть, во сне? Я стою с закрытыми глазами, чувствую запах сырой штукатурки, над головой шум самолета и голос Фунтика:

– Следующая станция – конечная.

А потом нас окутывает лимонный запах отцовского одеколона.

– Тридцать пять!

Вовка говорит:

– Пахнет, как у твоего отца в машине.

Я киваю:

– Ага, это его одеколон.

Смотрю вправо, вижу бегущего Павлика, он никак не может определиться с местом укрытия. Лучший друг рас-терян: видно по тому, как хлопают его вздернутые ресницы и трясется бороденка.

– И не говори, что ты не почувствовал! – говорит.

– Ты про что?

Вовка смотрит по сторонам:

– Тут кроме нас с тобой сейчас еще кто-то был.

– Тридцать шесть!

Вечерние истории были не только про инопланетян. Отец рассказывал и о привидениях. Как с друзьями в нашем возрасте ходили на кладбище в поисках клада, как вызывали домового...

Они существуют, верили мы и договорились, что после смерти все соберемся во дворе у стены и сыграем в прятки.

– А кто не придет, того пусть черти в кипятке варят.

Все поклялись быть.

– Тридцать семь!

Вспомнил сон. В нем отец на своем старом «москвиче» ехал по морю.

– Чтобы быстрее к вам вернуться, – торопился он, и волны закручивались белой пеной вокруг машины, а папа давил на газ, и мама махала ему вслед. Кричали чайки, я перердразнивал их, бросался камнями. Когда машина с отцом исчезла за горизонтом и волны утихли, я разревелся. Я был

совсем маленьким, еще не умел говорить, только агукать.

Мама взяла на руки, успокоила:

– Папа скоро вернется.

– Тридцать восемь!

Мама никогда не ошибается. Папа держит слово. Как очередное доказательство – запах его одеколona. Он здесь, с нами. Он в игре.

– Тридцать девять!

Фунтик сел к стене:

– Я-то знаю, что мать моя не прячется нигде, а живет с другой семьей. Это ради сестренки всё, подыгрываю ей. На два года меня все же младше. Мы-то почти взрослые, скоро и в прятки играть не будем.

– Почему не будем?

– Другие игры будут, – со знанием дела отвечает друг, – взрослые.

– Сорок!

И второй раз еще громче:

– Сорок! – кричу.

– Финишная прямая. Еху! – восклицает Вова. – Следующая – конечная.

И вновь ощущаю присутствие необъяснимого. Все это уже было, происходило со мной...

– Тебе не кажется порой, Фунт, что ты спишь и видишь все это во сне?..

– Мне кажется, что мы все умерли и эта вся эта канитель происходит на том свете.

– Мертвецы играют в прятки?

– А то...

– Значит, никто не умирает, получается так?..

Опять смотрю на буквы: «о», и «б», и «а»...

– Мертвые притворяются, что умерли. На самом деле, как в прятках, прячутся на время, пока не найдут.

– Сорок один!

Встретил у калитки, когда выходил во двор, бабу Катю. Она сняла с головы черный платок и поцеловала меня в макушку.

– Вылитый отец, – прошептала.

– В деда, – ответил. – Папа сам так говорит.

Она надела платок:

– Беги с богом.

В поселке у бабу Кати особый статус. Таинственный.

Среди взрослых ее осторожно называли плакальщицей.

– Сорок два!

Услышав про утреннюю встречу, Фунтик чихнул:

– Правда, у меня мурашки, как ее увижу. – Подскочил ко мне, повернул мое лицо к себе и цокнул. – Не, на дядю Колю ты непохож. Скорей на мамку.

И повернул обратно к стене.

– Сорок три!

Если можно ускорить время, размышлял, его можно обратить вспять, вернуть назад, все, что не получилось, исправить. Изменить...

Посмотрел на бородатого друга и про себя начал обратный отсчет:

– Сорок два, сорок один, сорок... тридцать, двадцать девять, – досчитал до девятнадцати, у Фунтика исчезла борода, и ростом стал с меня. Он шелестел конфетной оберткой и спрашивал меня, буду я половину шоколадки или, может быть, всю?..

– Подобрал, – улыбаюсь, – сам ешь.

– Сорок четыре!

Если крылья, те, что у каждого за спиной, не для полетов к звездам, тогда для чего? Папа считает: они людям даны, чтобы творить прекрасное. Без крыльев не было бы написано ни одной ни книги, ни картины...

– Это любовь. Сейчас ты любишь нас, маму, друзей, но очень скоро у тебя появится человек, девушка, которая разглядит твои крылья.

И я прячу глаза. Любовь к девушке – тоже пока еще таинственное, непостижимое, как космос с его обитателями и призраки с того света...

– Сорок пять!

– Ты Настьке только не подыгрывай, – словно прознав, о чем я думал, говорит Фунтик. – А то я видел, как ты в прошлый раз сделал вид, что не заметил ее. Она в овраге всегда сидит, цветочки собирает.

– Сорок шесть!

Рука отца обжигала. Он сжал ладонь, и я услышал, как бьется его сердце.

– Ты отрастишь новые крылья, папа. Ты сильный, я знаю. Или, хочешь, я поделюсь с тобой своими?.. Одно крыло – оно ведь всегда твое. Ты можешь на него рассчитывать.

Отец кивает. Смотрим в глаза друг другу, и я вижу в зрачках папы свет, словно внутри него зажглось ослепительно-белое солнце. Или это луна? Та самая, которую папа подарил маме, достал с неба?..

– Сорок семь!

Слезы щипали глаза. Проморгался. Снова закрываю и вижу все тот же свет, что хранится в глазах отца. Темнота стала светом.

– Сорок восемь!

– Сорок восемь! – кричит до звона в ушах Фунтик.

– Сорок девять!

Вовка-друг прав: никто, кроме нас, не может хорошо прятаться. Димка Ягода за гаражом жует стебель травы. Павлик рядом, за толстым стволом сосны, спрятал голову между коленок и зажмурился в ожидании. Федька СклЯнка за бочкой отбивается от назойливой мошкары. Настя – в овраге, в окружении стрекоз и анютиных глазок. Папа?.. В этот раз я его найду. Папа там, где свет. Я найду его там, в самом ярком месте. Ярче луны. Ярче солнца.

Поворачиваюсь. Открываю глаза, солнце ослепляет.

– Пятьдеся-а-ат!.. – орет Фунтик. – Кто не спрятался, он не виноват!

– Пятьдесят.

– Иду искать!..

Горсть Родины

Всяк человек – земля есть...

Народ

«Мать! – осенило в самолете перед самым взлетом, когда застегивала ремень безопасности. – Твою ж мать!» Сабина дернулась в кресле, нервно, по-детски дернулась всем телом от бессилия и злости на себя.

– Ма-а-ать, – сквозь зубы.

Взглянула в иллюминатор: серая лента взлетной полосы, спицы антенн, в небе ни облачка – умиротворенный, статичный пейзаж безразличия, неучастия, отстраненности... А внутри у нее ураган, и «мать» превращается, зарифмовывается в яростное матерное слово, она повторяет его про себя, а так хочется прокричать, чтоб освободиться от горького привкуса невыполненного обещания.

«Дура, debilка, идиотка!»

Сосед, пожилой лысый мужчина, участливо улыбнулся.

– Забыли что-то? Сочувствую, – закивал он и кивал после каждой произнесенной фразы. – Я как-то про жену забыл (кивок) – вот это была, скажу я вам, катастрофа (еще кивок). Все ведь поправимо, не расстраивайтесь (кивок, кивок, кивок).

Ну вылитый китайский болванчик, кивнула в ответ Сабина, молодая и ужасно дерганая, нервная для своих двадцати семи лет женщина. Мать ее иначе как «психушка» и не называла с детства.

– Ты посмотри на свои волосы, – тыкала дочь лицом в зеркало. – Пятнадцати еще нет, а уже седина лезет. А все из-за чего? Из-за нервов, раздражительности... Выросла невротичка.

Сабина ущипнула себя за бедро, смотрела на блестящую лысину соседа и говорила с ней. Всю сознательную жизнь не смотрит людям в глаза – не выносит, терпеть не может. Выдерживает лишь взгляд собак и кошек.

– В аэропорту, что ли, забыли? Жену...

Мужчина кивнул:

– Не совсем. Проснулся – и забыл, что женат... А вы, если не секрет, конечно, что забыли?

– Родину, – не задумываясь ответила Сабина.

На самом деле место, где родилась и прожила до пяти лет, Сабина не считала своей родиной.

– Потому что не помню ничего, – рассуждала она. – Ни моря, ни дома с виноградником, ни лиц. Ни черта... А родина – настоящая – там, где ты все знаешь. Ее вспоминаешь, видишь в снах, по ней скучаешь... Моя родина – Сибирь, а юг, Каспий – как что-то иное, не мое, неродное. Ненастоящее. Да и жару я терпеть не могу.

Поэтому без особого желания и энтузиазма прилетела Сабина на свадьбу сестры и всю неделю с утра и до полной отключки вливала в себя домашнее вино, мешая его в дичайшие, безобразные коктейли с пивом, водкой, агдамом, ликерами, коньяком...

Она и перед самолетом сделала себе «успокоительное» из вина с минералкой.

– Но как вылетело из головы, что дядь Ване пообещала, ума не приложу! – оправдывалась и торопливо курила у здания аэропорта, уже на родной сердцу сибирской земле. – Для него это так важно. Ё-о-о... Для него это вопрос жизни и смерти.

Не докурила, бросила под ноги сигарету, растоптала.

Встречал Сабину друг детства, «полумуж» Дима («дружить – дружим, но замуж – ни-ни»). Ему, впрочем, такое обращение не нравилось («так евнухов и скопцов называли раньше»), возмущался всякий раз, однако Сабина продолжала, и Дима свыкся со статусом полумужа. Пусть уж так, чем совсем никак.

Полумуж выслушал слезливую исповедь, предложил:

– Да какая разница, откуда земля? Она везде одинаковая. Набери дядьке нашей земли. Скажи, что с юга, с родины. Делов-то...

Сабина долго мотала головой под монотонный бубнеж:

– Не, не, не, не...

Дмитрий настаивал:

– Обидится дядя Ваня ведь! Пообещала и не привезла землицы. Уж лучше соври. – Открыл банку пива, протянул полужене. – По мне так, земля – она и в Африке, и в Зимбабве земля землей...

– Зимбабве – это тоже Африка, умник! – В пару больших глотков опустошила банку, бросила, раздавила кроссовкой. – С-сука, чувствую себя паршиво. Предательницей. Вторично родину предаю, теперь – еще и дядьку. Ну кто я после этого, если не сука?

Попробовал приобнять:

– Ты самая красивая девушка Иркутска и Сибирского региона!

Сабина вывернулась:

– Останови тогда у лесочка, там хоть земля настоящая...

Дядя Ваня тридцать лет живет на чужбине.

– В ссылке, – повторяет он все тридцать лет. – В шестнадцать бежал беженцем от войны, стал каторжником, стал заложником.

Сабина, двоюродная племянница, знает эту историю наизусть. Но терпеливо слушает каждый раз дядьку – очень уж любит она этого угрюмого родственника. Единственно-

го и по-настоящему родного – что при жизни родителей, что после их скоропостижного ухода.

– Сначала девяностые оглоушили своим дурдомом в стране и в мозгах. В нулевых, на родину чтобы попасть, стал нужен загранпаспорт. А у меня простого-то паспорта двенадцать лет не было – не до заграна... Так и смирился со своей каторгой, с зимней спячкой. Будто уснул, в анабиоз впал я в этой Сибири, где моря нет, звезды далеко и земля зимой насквозь промерзает...

«Ссылка», «каторга», «чужедалье», «временное пристанище», «неродина», «запределье» – и никак иначе. А если вынужден был конкретно обозначить место проживания, дядя Ваня коверкал название города, переставляя или изменяя буквы.

– Потому что одна родина у человека, как и Бог один, и мать с отцом, и группа крови, и мозг, и душа. И каждый из нас один и уникален.

Ну что тут возразить? Сабина многим обязана дядьке.

– По-настоящему – всем обязана. Он мне реально семью заменил. На ноги, можно сказать, поставил. Я же, неблагодарная, забыла такое важное дело! – снова и опять жаловалась она полумужу, запивая вину красным вином из тетрапакета. – Всего-то надо было – землю привезти с родины! И тут я налажала!

Сабина споткнулась, Дима успел подхватить ее за локоть. Она недовольно фыркнула, вырвала руку, расплескав вино из откушенной с уголка коробки:

– Хочу в ауте быть, когда дойдем до дядь Вани, ясно тебе?! Пьяной проще совершать всякое непотребство, и сей грех тоже легче сотворить под градусом. А наутро все забыть и жить дальше...

– Говорю тебе, Бина, земля везде одинаковая, – талдычил ей полумуж в семьдесят второй раз (он считал). – Химический состав один и тот же, поверь.

В семьдесят второй раз Сабина спросила:

– Правда, что ль? По-настоящему? Поклянись мамой.

Клялся мамой полумуж, пока они добрались до квартиры дяди Вани, в общей сложности семьдесят раз.

Дядя заждался родственницу: сидел на табурете у открытой двери в прихожей; выглядывал из окна на кухне, откуда была видна дорога к подъезду; звонил на выключенный сотовый; разгадал все, что нашел, кроссворды со сканвордами; выпил шесть кружек крепкого чая; съел килограмм вафель и уже накапал в рюмку корвалола, разнервничавшись не на шутку («куда подевалась племяшка, пять часов как прилетела») – и тут в дверь позвонили.

Выпил для успокоения сердца раствор и еще с кухни услышал звеняще-пьяненький голос племянницы.

– С чего-о-о начинается Родина-а-а?! – горланила она.

Черная земля в прозрачном полиэтиленовом пакете, завязанном на несколько узлов, в центре кухонного стола...

– Семь полных ладошек, – повторяет и повторяет Сабина. – Семь горстей с горкой.

Дядя Ваня, смолоду весь в морщинах и рано поседевший, смотрит на подарок – видит детство: лианы винограда, скрывающие небо; море, проглатывающее солнце; себя, еще совсем мальчишку; песчаный берег, где песок дышит жаром, пахнет нефтью, и рыбой, и счастьем...

Племянница не дает дядьке открыть рот:

– Могилку с ходу нашла по астрам. Всё как ты рассказывал, всё в них: сиреневые, розовые, будто звездами могила укрыта.

Дима поддакивает, поддерживает подругу, успевая вставлять:

– Ага... ну... но... во-во... всё так... ё-пэ-рэ-сэ-тэ...

Сабина сочиняет, придумывает досконально, до мелочей, штрихов и запахов. «Врать не привыкать, во мне актриса

живет и, когда надо, играет нужную роль согласно сценарию, – хвасталась. – Дядьке лишь одному не вралась».

И вот:

– С моря думала еще набрать земли, да чё там – песок и ракушки... А с бабушкиной могилки аккуратненько под астрочки – шмыг, и так семь раз, семь полных ладошек. А земля мягкая, сырая, податливая, хоть и жара за сорок... Потом все боялась, что с землей в самолет не пустят.

Дима в очередной раз разлил по сервизным чашкам красного полусладкого.

– За родину! – прозвучал тост.

И дядя Ваня наконец озвучил, что мучило и терзало последние десятилетия:

– Могилки хоть ухоженные?

Подавилась вином Сабина, закашлялась до потекшей по щекам туши и багрового лица.

– Не в то горло, что ли? – колотили мужчины женщину по спине.

Кивает Сабина, а сказать как, не знает: вино во рту словно свернулось, песком, землю стало, так что с трудом проглотила, оцарапав нёбо и горло.

– Не в те ворота, – прохрипела. – Водички бы...

Племянница пьяно, слезно клялась, что могилка бабушки ухоженная, и за остальными покойничками следят, и никакой мерзости запустения, и кошмары теперь прекратятся.

Кошмары дядю Ваню посещают каждую ночь. Чаще всего это сон про неухоженные могилы, что остались на родине. Они кричат с кладбища, зовут его разными голосами, будто все мертвецы сговорились, ополчились против него. Видит – могилы открываются гигантскими ртами, внутри черная пустота – страшная, бесконечная, манящая. Она втягивает его, засасывает невидимыми токами, и дядя Ваня просыпается с криком и шрамом в сознании – как если бы он узрел пустые глазницы любимой бабушки...

– Брошенные могилы не прощают своего одиночества. Забытые покойники мстят, я это знаю. Они находят предателей: сначала – в снах, потом...

И это зависшее в небесном эфире «потом» пугает его сильнее ночных кошмаров, пугает племянницу, Диму, всех слушателей, потому что у каждого где-то зарастает колючкой и сорняком одинокая могилка.

– Я все детство провел на могиле деда, – вспоминает дядя Ваня. – Бабушка через день ходила к нему на кладбище убираться. «Чтобы не скучал дед», – говорила. Мы там и ели, и в игры играли, даже уроки иногда делали и вслух деду читали. Вот как с мертвыми своими общались – еще теснее, чем при жизни. Бабушки не стало через год, как мы бежали с родины. Я только знаю, что с дедом ее похоронили, и больше ничего не знаю... Лишь в снах вижу могилу. Так то сон, не истинное...

– С кошмарами покончено! – вместо «до свидания» заявила Сабина.

Молодые чмокнули дядьку по очереди в плохо побритый подбородок. Дима напомнил лечить воспалившийся «ни с того ни с сего» глаз чайным раствором, племянница наказала сходить к врачу.

Дядя Ваня многозначительно промычал, уж больно не терпелось остаться одному, один на один с частичкой далекой родины, с прошлым, с вечностью!

«Две трети жизни вне родины! – ворчит про себя дядя Ваня. – Забыла она уже меня. Погибли корни». Замер в проеме кухонной двери, смотрит на гостинец с юга, а глаза щиплет до слез – не то от желтого электрического света, не то от нахлынувших воспоминаний, тоскливых, ранящих.

Тридцать лет выживания на воспоминаниях о прошлом, существование в вечном ожидании невозможного... Смирение с участью никогда больше не увидеть родину пришло

после сорока. Появились болячки от бесконечного самобичевания, невысказанного, невыплаканного.

«Все болезни – от нервов, от тревог и переживаний...» – считала давно исчезнувшая из жизни дяди Вани сожительница, и он с ней согласен. Сожительница сгинула, чтобы не разделять его болячки, оставила книжку с таблицами соответствия болезней психологическим нарушениям, и теперь дядя Ваня знает, что бессонница у него – от чувства вины, а растущая на левом глазу катаракта – из-за неспособности смотреть вперед, в будущее, с радостью. Туманное, расплывчатое, мутное будущее. Отсутствие как такового... Проблемы с желудком – это ужас от всего нового, боязни и закрытости. Недовольство собой и своей судьбой, чувство обреченности ведет к гастриту. А частые запоры свидетельствуют об избытке накопленных переживаний, чувств, воспоминаний, с которыми никак не расстаться, как и о нежелании избавиться от устаревших мыслей, о том, что увяз в прошлом...

Прошлое вернулось, пролетев более пяти тысяч километров. Оно появилось в настоящем – упакованное в полиэтилен прошлое.

– Здравствуй, – не своим голосом, – кусочек юга на севере.

Отчего-то дядя Ваня испугался произнести слово «Родина», которое всегда пишет и проговаривает с большой буквы. Заглавная буква «Р» встала поперек горла. Сердце напомнило о себе старой раной, кольнуло.

Может ли комочек земли заменить все то прошлое, что случилось на родине? Семь горсточек – могут ли они называться Родиной с большой буквы? Или это всего лишь почва, поверхностный слой педосферы Земли и не более?

Присел дядя Ваня к столу, залил копошившиеся мысли остатками вина. Ягодная сладость заполнила голову. Виноград детства зелеными лианами обвил стареющее тело и душу поднял к потолку и выше – сквозь крышу к звезд-

дам-астрал. Именно такие звезды были над головой у мальчика Вани. Он смотрел в глазастое небо детскими глазами и называл небо своим:

– Мое глазастое, цветастое небо.

И подсолнухи, что росли вдоль забора, звездными маяками посылали сигналы небесным собратьям; Ваня падал на спину в прыную негу зарослей и взлетал, и летел по Млечному Пути над родным домом, поселком, над школой и кладбищем...

Узлы развязались сами, едва дядя Ваня прикоснулся к пакету с землей. Подушечками пальцев коснулся Родины – и вот он, Млечный Путь, а под ним пики кипарисов и знакомые крыши домов, и такое саднящее чувство близости с крестами и памятниками, с могилками дорогих и близких.

– Это мой дом, – шепчет дядя Ваня.

За прикрытыми веками пролетает иная вселенная, жизнь-мечта, придуманное счастье... А на кончиках пальцев крупички земли из пакета, и дядя Ваня подносит их к губам, пробует крошки на вкус. Земля родины со вкусом новогодних праздников, где мандарины перемешаны с искрами бенгальских огней, салатом оливье и мамиными поцелуями. Песчинки во рту лопаются перезревшими гранатами, взрываются хлопушками, рассыпаются разноцветным монпансье.

Дядя Ваня возвращается на родину...

Пока дядька бежал, глотая соленый ветер, к морю, сливающимся с небом, племянница вошла в оградку одной уцелевшей на пригорке могилы в окружении выжженной до черной пыли земли. Клыки сломанных надгробий и тлеющих крестов – до горизонта, до неба. Сабина знает, что должна сделать, что обещала, только все не так, как она представляла.

– Разве война не кончилась? Это что, конец? Конец света?..

Нагнулась, взяла с могилы горсть земли. Земля в ладони стала вязкой, липкой, стала алой кровью. Сабина зачерпнула обеими руками – и вот они, полные пригоршни густой горячей кровавой жижи, а на мраморном надгробии – ее имя и фамилия, а с овала фотографии смотрят ее глаза и улыбка.

Сабина закричала, руками закрыла лицо:

– Это не по-настоящему! – размазывая кровь по щекам и шее. – Это ложь!

«Ложь! – взорвалось красным небо – и чернота вокруг; все окрасилось кровавым цветом. – Ложь!»

Проснулась Сабина – сердце стучит в горле, а горло полно земли, пересохшее, сплошная горечь во рту. Взгляни сейчас в зеркало – Сабина убеждена, – на нее бы посмотрело испуганное, страшное лицо, покрытое начавшей ржаветь запекшейся кровью. Слово из сна, окрасившее небо и землю красным, болью стучит в похмельной голове. Мелкая дрожь в пальцах. Так же трепетали руки, когда она набирала землю из оврага в лесочке рядом с аэропортом. Дрожь передалась всему телу, проникла внутрь.

– Это во спасение ложь! – крикнула в серость раннего утра, беспрепятственно заполнявшую спальню.

Сорванная гардина с громадой штор, похожих на огромную бабочку, стояла в углу у окна. Сабина нащупала на макушке шишку с кулак.

«Так тебе и надо!» Затошнило от мутных обрывков воспоминаний. Горячей волной воспоминания поднялись к горлу. Она едва успела заскочить в ванную, где, согнувшись в три погибели, выпустила из себя красный зловонный поток вчерашних злоупотреблений.

«Ванна, полная лжи», – забулькало, закипело откровение, и его ей никак не выдавить из себя.

На полу на кухне храпит полумуж, свернувшись вокруг ножки стола. Ополовиненная бутылка шампанского ожида-

ет, чтобы опохмелить обожженную душу. Сабина выпила выдохшийся и совсем не игривый напиток залпом.

– Ванна, полная лжи! – пнула мужчину. – Слышишь? Я не могу так!

– Что? Про чё ты? – Дима пьяно смотрел на женщину из-под стола. – Какая ванна?

– Полная кровавой земли ванна! – закричала Сабина и схватила с заставленного бутылками и остатками закуски стола сотовый телефон. – Я звоню дяде Ване – и всё, короче!

Пока полумуж вяло и кряхтя поднимался, Сабина позволилась до родственника – и услышала радостный, полный восторга и огня голос:

– Глаз! Помнишь мой воспалившийся глаз?! Я машинально, без всякой мысли помазал его землей вчера перед сном. Уж больно ныл – не уснуть, даже после выпитого... И, Сабиночка, не помню, как заснул, а проснулся – глаз-то здоровей здорового! Никакого покраснения и припухлости ни следа! Представляешь? Без заварки и врача прошел глаз. Это все родная земля. Живая земля! Целебная!

Племянница слушала, открывала рот, но не издала ни звука. Искренность дядьки разоружала, бодрила, наполняла верой во что-то необыкновенное, в чудо... Сабина потерялась в вихре эмоций, заблудилась в эйфории, льющейся в ухо. Привиделось: она попала на могилу далекой родственницы, где астры звездами, и она взаправду набрала семь горстей земли, и земля та была теплой на ощупь и пахла ванилью и сахарной ватой.

– ...да, да, земля с бабушкиной могилы, сама собрала, своими руками, по-настоящему...

Дядя Ваня отвечал на ее бормотание:

– Ну конечно, по-настоящему. Это же земля моих предков! наших предков! Я теперь буду вместо таблеток принимать землю внутрь, как биологическую добавку. Так и вы-

лечу все болячки. Родная земля лечит! А? Что думаешь? Излечит меня земля-матушка? Чего молчишь? Думаешь, дурак дядька, на старости лет мозги последние посеял? А я, между прочим, ясней, чем когда-либо за эти тридцать лет, все вижу, чувствую и ощущаю! Будто с этой землицей помолодел: одно прикосновение к ней – и половина возраста как с куста. Не поверишь, но я пробежался с утречка по парку! Шел из магазина – и вдруг меня понесло, ноги сами помчали...

– Здорово же, – Сабина щелкала пальцами, нервно сжимая кулаки, и не находила других слов, – здорово...

А перед глазами – ванна с бурлящей кровью... Посмотрела на все еще не проснувшегося, качающегося и кивающего полумужа – китайского болванчика, прошептала:

– Налей мне.

– Это по-настоящему здорово, дядь Ваня, – скажет она через неделю, услышав про новое лечебное достижение любимого родственника.

– Если раньше ежедневно изжога мучила, а то и несколько раз на дню, то теперь и черный хлеб жую, и лечо употребляю – и хоть бы намек на жжение. А всего-то – земли на кончиках пальцев раз в день.

Закатывает глаза Сабина, заламывает пальцы рук, кусает губы:

– Здорово, но ты все равно аккуратней. Землю глотать – это как-то...

– Не просто землю, ну ты чего? Это ж с родины земля! С могилы бабушки. Она сама, помнится, говорила, что земля предков – священная! Мать сыра земля – из нее все созданы. И в нее же уходим – вместе с горстью земли, брошенной на гроб.

– Ого!

– Так, ладно. У меня слово было не разгадано в кроссворде, мучило меня, а тут бац – и сложились буквы. «Дви-

жение бичующих». Знаешь ответ? Знаешь?.. Ну признайся, что не знаешь!

Снова не находила слов племянница, глазами искала на столе что-нибудь алкогольное.

– Вот и я никак не мог угадать, а здесь сами буквы словом встали – флагеллянтство. Я-то думал про бичей, бомжей всяких, не мог понять никак, что это за движение бездомных. А оказалось, это бичевание, самобичевание верующих как средство умерщвления плоти...

Сабина услышала, как со свистом рассекла воздух плеть за спиной, вздрогнула – твою мать! – телефон из руки едва не выскочил. Обернулась.

– Здорово, – сказала, рассматривая тарахтящий холодильник.

Еще через неделю дядя Ваня сообщил: исчезла катаракта с левого глаза и читает он теперь без очков. Бегать стал каждое утро по школьному стадиону и собирается подать заявку на участие в городском полумарафоне, посвященном Дню города.

Диме Сабина в тот же вечер скажет:

– Я смирилась уже и убедила себя, что земля эта с родины, а не из-под иркутского аэропорта. Но это же у дядьки в фанатизм какой-то перешло. Он забыл, что терпеть этот город не может. Что ссылкой, каторгой, неродиной называл! Сейчас же в честь города бежать собирается и медаль получить в забеге. Потом и на область планирует... Ну что это, если не фанатизм? Безумие же, Дим! Не знаю, хорошо это или плохо...

Дима прижал ее к себе:

– Второе дыхание у него открылось от твоей лжи. Благодаря ей. Пускай бежит. Это же круто – на старости лет такие перемены. Послушай, может, та земля и впрямь какая-то чудодейственная, а? И нам, может, попробовать земли оттуда?

Отстранилась, посмотрела на друга Сабина:

– Ты серьезно землю жрать собрался или шутка юмора такая?

Улыбаясь, полумуж ответил:

– Чё, я бы попробовал в качестве эксперимента денек другой, неделю. Вдруг мой геморрой рассосется? – и, не давая Сабине сказать что-нибудь обидно-оскорбительное, поставив тем самым точку, добавил: – И ты бы свои женские болячки подлечила.

Дядя Ваня возвращался со стадиона, сжимая кожаный мешочек с родительской землей, когда его окликнули. Окликнуло прошлое. Прошлое в лице соседа из детства подошло к нему спустя полжизни, обняло. Прошлое звали Ринатом, припомнил дядя Ваня.

Ринат случайно тут, обычно с вахты летал через Москву, но не оказалось билетов. И друг армейский пригласил... У прошлого много вопросов и совсем нет ответов. Одно знает точно, на все сто процентов: нет больше поселкового кладбища. Уже лет десять как нет. Ни кладбища, ни могилки, ни звездных астр нет... Не осталось ничего от прошлого, все новое, современное, рассказал Ринат. От родины ни следа. Это уже другая земля. Не наша. Не та, что была в детстве.

Вот оно, сбивающее с ног откровение, которое он боялся высказать и которое знал всегда: родины больше нет! Нет могил предков, дома детства, двора... С прошлым связывают лишь сны, воспоминания да парочка старых друзей и знакомых, которым, по-честному, нет до тебя никакого дела, у которых своя жизнь и новая родина.

Дядя Ваня прозрел. Проснулся от зимней спячки. Посмотрел сквозь время, увидел, как уходит под асфальт кладбище, безмолвный страж поселка. Как сам поселок с миниатюрными, уютными домиками и вечноцветущими садами превращается в современный мегаполис из стекла и металла. Увидел племянницу, растерянную, потерянную, набира-

ющую семью горстей (она считает вслух) земли в пакет, зажатый между коленок, в каком-то незнакомом, неродном зеленом парке... Она не могла позволить дорогому человеку, оберегавшему ее всю жизнь, узнать горькую правду.

– Она сохранила для меня родину!.. Открыла! – говорил дядя Ваня, набирая номер Сабины. – Открыла!

Когда племянница ответила, он не сдержался. Хоть и велел себе, строго-настрога наказывал, мужчина заплакал.

Слезы к слезам. Сабина расплакалась в ответ на слезы дяди Вани.

Накануне полумужу удалось ее уговорить поэкспериментировать с землей, той, что в овраге у аэропорта. Они приехали к месту в сумерках. Дима накопал два пакета земли – тут и зазвенел у Сабины телефон.

Дима не сразу понял, кто звонит. Не понял и того, что говорила Сабина. Всхлипывающая, испуганная, растрепанная, на себя непохожая в этой синеющей темноте.

Нажав отбой, она сказала:

– Надоело притворяться, что настоящая. Надоело жить наполовину. Ни там, ни тут... Давай уже бери меня замуж, что ли!

Уронила телефон, нагнулась поднять, но вместо телефона кулак сжал черную сырую землю. Поплелась, спотыкаясь, через кусты и деревья к шумному шоссе.

– Бина!

– Не ходи за мной. Думай пока над моим предложением. И земли набери еще – пригодится! – прокричала она ясно и громко, прежде чем исчезнуть, раствориться.

Потом Дима услышал визг тормозов и сигналы машин, крики. Одновременно услышал, как завибрировал и пропиликал Сабинин телефон на куче свежевырытой земли. Пришло СМС.

Он побежал, рисуя себе возможные и невозможные варианты произошедшего на дороге. Остановился.

– Телефон! – крикнул в темноту. – Слышишь, Сабин, тебе сообщение!

Поднял сотовый будущей жены, спрятал в карман. Набрал в обе ладони полную пригоршню земли, прикоснулся губами к пахнущей пожухлой листвой и грибами почве, попробовал на вкус, одобрительно промычал.

Муж пошел, жуя землю на ходу и глотая, пошел сквозь нахлынувшую тьму к сверкающей электрическими фонарями магистрали и вскоре стал частью света.

А над лесом, дорогами, аэропортом и городом... глазастое небо смотрит на мельтешение жизни внизу звездами-астроми.

Эсэмэску, первую в жизни, написал дядя Ваня. «Приезжайте, родная. Жду вас. Откроем бутылочку. Выпьем за Родину!»